

7. Шаль М. Исторический обзор происхождения и развития геометрических методов. М., 1883. 414 с.
8. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 537 с.
9. Акчурин И. А. Возможность обобщения принципа соответствия на существенно неколичественные структуры // Принцип соответствия. М., 1989.
10. Эйнштейн А. Физика и реальность. М.: Просвещение, 1991. 311 с.

*Владимир Дмитриевич ЖУКОЦКИЙ —
заведующий кафедрой философии
Нижневартовского экономико-правового
института Тюменского государственного
университета,
доктор философских наук, профессор*

УДК 1(470+571)

МАКСИМЫ. О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

АННОТАЦИЯ. Статья написана в жанре собрания отдельных, порой категоричных высказываний — максим — на заданную тему о нашем отношении к русской революционной истории и культуре. Использование междисциплинарного подхода на стыке трех наук — политологии, культурологии и истории открывает интегральное направление исследований в области философии русской истории и культуры.

The author employing the polemic genre of maxims and interdisciplinary approach based upon the fusion of political sciences, cultural studies and history launches a new integral trend of studies within the field of «Philosophy of Russian history and Culture».

В год 100-летия Первой русской революции, обозначившей неуклонный вектор перехода российской государственности из патриархальности в современность, появился хороший повод задуматься над нашим нынешним отношением к этому историческому факту *РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*, которая, как известно, не закончилась в 1905-1907 гг., а имела еще два по-настоящему решающих этапа — в феврале и в октябре 1917 г.¹

Парадокс нашего времени связан с тем, что мы ищем политической стабильности «всерьез и надолго», не задумываясь над тем, что наши усилия в этом направлении безнадежны до тех пор, пока мы не разрешим для себя проблему соотношения революции и контрреволюции в политике. Только решив эту проблему теоретически, по существу, и практически, с учетом всех наших особенностей истории и культуры, можно двигаться дальше. Как вообще возможно патриотическое воспитание и исполненное патриотизма бытие культуры, если ореол власти делится между непримиримыми полярностями революции и контрреволюции, а как следствие этого, между унитаризмом и регионализмом, между центристемительностью и центробежностью? Эта проблема оставалась неразрешенной в советское время, но она сохраняет свою актуальность и в наши дни.

Возможно ли собирание целого в политике, если она по определению дробится на множество партий, преследующих свои исключительные, часто прямо про-

¹ Некоторые историки предлагают события 1991-1993 гг. также относить к разряду революционных, тем самым, расширяя горизонт русской революционности до современности. Хотя по другим оценкам эти же события предпочитают называть контрреволюционными, что, впрочем, сохраняет напряженность существующей антитезы «революция — контрреволюция».

тивоположные интересы? Можно ли на самом деле добиться политической стабильности, делая исключительную ставку на один из полюсов политической конфронтации и совершая насилие над другим? Не проще ли перевести полярности из практической плоскости в идеальную, найти золотую середину, востребованность их активного диалога?

Все это вопросы по большей части риторические. Всякая диктатура возникает как следствие объективной расколотости общества на непримиримые группировки (классовые или национальные) и невозможности примирить их посредством публичного политического диалога. И наоборот, всякая демократия возникает как свидетельство того, что такой диалог не только необходим, но и возможен. Причем возможен на основе той или иной идеологической системы. Отсюда и разнообразие современных демократических систем: либеральных, консервативных или социалистических — социально ориентированных. Последние две менее демократичны с формальной стороны, но бывают часто более демократичными по существу. Выбор типа демократической системы зависит от множества культурно-исторических факторов и не в последнюю очередь от конкретного международного влияния, столь характерного для нашей эпохи тотальной глобализации — тайного или явного насилия в этой области.

Возможность политического диалога как условия реальной демократии возникает лишь в ситуации, когда основные субъекты политики согласны между собой в понимании основ общественного и политического устройства. А это последнее решающим образом зависит от адекватного понимания отечественной истории и культуры, от нашей способности восприятия их целостности, а не отдельных и часто вырванных из контекста фрагментов. Диалектика части и целого проявляет себя здесь не только содержательно, но и чисто географически. Это определяет единство исторического и сравнительного методов исследования социокультурной реальности, которая дробится на части и во времени и в пространстве.

Экономическая и интеллектуальная мощь России прирастает ее регионами. Регионы же прирастают либо своей идентичностью с Россией, либо своим сепаратизмом. Последний особенно востребован в периоды предпринимательской активности и культурологической доминанты частнособственнического обособления. Вот почему проблема самоидентификации России обретает сегодня такой повышенный интерес — она одна только и может противостоять существующим негативным тенденциям. Это проявляется даже на уровне терминологии. На место статистически нейтрального «населения» России заступает «народ российский», на место простого многообразия культур и этносов — объединяющая их *русская культура*, а на месте разделительных политических линий консерватизма, либерализма и социализма вступает в свои права *гуманистически выверенный патриотизм*.

Экономическая, политическая, социальная и культурная палитра современной России расплывается в великом многообразии красок и сюжетов, за которым скрывается кисть невидимого художника. История и культура выводят свои замысловатые сюжеты, предоставляя нам право приписывать субъектное качество отдельным персонажам и даже самим себе, то ли в качестве этих персонажей, то ли в качестве парящих над ними духов. На самом деле ими (нами) движет лишь два мотива, образующих, по выражению Ф. Энгельса, «параллелограммы сил», разбросанных в индивидах и собранных рукой невидимого художника. Это мотивы инновации и охранительства, революции и контрреволюции, взятые в их диалектической взаимосвязи. Это, в частности, означает, что одна и та же функция — инновации или охранительства — может быть наполнена самым разным содержанием — консерватизма, либерализма или социализма и, наоборот, одно и то же содержание может выполнять в пространстве истории и

культуры совершенно разные функции — инновационности или охранительства, революции или контрреволюции, «левого» или «правого». Все зависит от масштаба и стороны исторического обозрения.

Если мерить масштабом советской эпохи, то именно к ней пристало наименование революционной, вносящей инновацию в традиционный патриархальный уклад со стороны радикально понятых социальных ценностей. Подобная инновация в традиционный патриархальный уклад со стороны радикально понятых либеральных ценностей выглядит столь же революционной, но по отношению к содержательной ценности советской эпохи вполне и даже подчеркнута контрреволюционной. Это смешение жанров и стилей в наше постсоветское время приносит немало путаницы в сознание людей. Где одно? Где другое? А где, может быть, третье? И в каком именно значении и направленности? Бог весть. И все-таки есть в этом «вавилонском столпотворении» столицы уравнивающий его региональный аспект, который один только и способен обозреть искомую канву смысла.

А он, в свою очередь, напрямую зависит от современной самоидентификации России в мире и в пространстве своей собственной истории и культуры. Современная экономика, как и сто, и двести лет назад, строится на доверии, на культуре, на психологии и ментальности, на традиции и способности преломлять ее в новацию. Новейшие тенденции глобализации особенно остро обозначили проблему диалектической взаимосвязи самобытности — национальной и культурной — и унификации. Это актуально и для России, как неповторимой евразийской цивилизации с тысячелетней историей и культурой. В этой истории и культуре был и такой период, который стал знаковым для всего мирового сообщества. Это период *русской революции и советской эпохи*, повлиявших самым решительным образом на весь ход мирового развития в XX веке, включая исключительную роль СССР в общей победе союзников над гитлеровской Германией в 1945 г. Но он же оказывает заметное влияние и на современное состояние дел в России. И это влияние, надо полагать, продолжится и в дальнейшем, если речь идет о периоде, раскрывающем нечто существенное в самой этой российской цивилизации, более того, имеющем прямое отношение к процессу самоидентификации России.

Вот почему фактор русской революционной истории и культуры с позиций концепции устойчивого развития постсоветской России обретает характер достаточно категоричных высказываний — *максим*, имеющих большую или меньшую связность итоговых выводов из многолетних исследований данной проблемы².

Максимы. Н. А. Бердяев писал: «Самый большой парадокс в судьбе России и русской революции в том, что либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием. Это было определено всем ходом русской истории, но также и слабостью у нас творческих духовных сил. Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа». Это хороший повод задуматься над смыслом русской революции в постсоветскую эпоху.

² В основу данной статьи положены материалы подготовленной автором к печати книги «Диалоги о русской революции, народном единстве и государственных праздниках современной России».

Русская революция — это глобальное историческое событие перехода российской государственности из патриархальности в современность, от самодержавия светского и духовного к республике и конституции, к подлинному народовластию, которое лишь в начале приобрело вынужденную форму «самодержавия народа», но в дальнейшем мучительно, но верно проделывало эволюцию в сторону реальной *социальной демократии*.

Факт перехода российской цивилизации в новое качество *постпатриархального* развития вольно или невольно связан с событием русской революции 1917 г., а значит, событие это — больше чем «памятный день российской истории». Оно знаменует собой нечто необратимое, то, без чего современность не может мыслить себя и самое свое право на существование.

Русская революция — это судьба России. А значит, отвергая эту судьбу, вольно или невольно отвергают саму суть российской цивилизации. Это хорошо понимали *евразийцы*, казалось бы, воевавшие на стороне белых, но вынужденные признать по итогам гражданской войны историческую правду русского коммунизма.

Исторический факт раскола на *две России* уходит далеко в глубь веков и возникает задолго до революции, которая лишь обнажила то, что пытались скрывать от самих себя. Революция по определению была призвана этот раскол преодолеть путем возвращения народу его исконных, *естественных прав* и образования на этой основе единой бурно развивающейся нации.

Вопрос о праздновании *Дня русской революции* — это вопрос наличия или отсутствия в современной России общегражданского *диалога*, точнее, вопрос публичности такого диалога. В конечном счете, это вопрос нашей политической культуры, которая проверяется именно этой способностью все негативное в политическом смысле, но значимое в государственном переводить на рельсы лояльности и простоты.

Когда отмечают 7 ноября как *День русской революции*, то имеют в виду вовсе не развязывание гражданской войны в России, что в полной мере лежит на совести контрреволюции, а приход к власти Советов, как подлинных органов народного самоуправления.

Русская революция 7 ноября 1917 г., точно так же, как и народное восстание 1612 г., действительно объединили российский народ в его борьбе с иностранной интервенцией и с тем господским классом (боярством или дворянством), который готов был продать национальные интересы России ее злейшим врагам, спасая свой корыстный интерес. Более того, они способны объединить его и в будущем, когда придет время освободить Москву от новоявленных захватчиков земли русской. И в этом еще один «нечаянный» смысл нового праздника Единения народа, расколотого на олигархов и нищих.

Эти два исторических события, как и событие знаменитого парада на Красной площади 7 ноября 1941 г., знаменуют собой великую миссию Народного Единства — приходить на помощь своему государству перед угрозой его фатального разрушения! Будь то поляки, международные интервенты или гитлеровский фашизм — все они должны были быть повергнуты перед ликом мистической даты русской истории — 7 ноября (25 октября по старому стилю)!

Если мы всерьез намерены сделать праздник Народного Единства воистину всенародным и государственным праздником современной России, то мы должны отмечать его не 4 ноября, а 7-8 ноября, соединяя в один сноп великие даты 1612, 1917 и 1941 гг., как это сделала за нас сама история.

Русская мессианская идея нашла в новой исторической ситуации, превратившей социализм в лозунг мирового развития, неожиданный материал для своего воплощения. Это был уникальный случай, когда факт исторического отстава-

ния становился залогом будущего лидерства в мировом процессе, а модернизация приобретала форму исторического прорыва в новое качество общественной организации и культуры, способное стать знаменем новой эпохи.

Традиционная европейская цивилизация развивалась по принципу: *одна нация — одно государство*. Все остальные этносы должны были либо раствориться в титульной нации, либо образовать свое государство. Российская цивилизация изначально строилась по принципу: *государство — собиратель народов*. Вот почему в глазах европейского обывателя она представлялась традиционной империей и даже «тюрьмой народов», а на самом деле несла в себе прообраз цивилизации будущего.

Именно русская революция, возникшая на волне молодой буржуазности, дала шанс проскочить эту заведомо антироссийскую фазу цивилизационного развития и спасти исконную русскую мессианскую идею для совершенно изменившихся обстоятельств мировой истории. Это значит, что *радикализм русской революции* был продиктован внутренними требованиями и условиями выживания российской цивилизации в тотальном капиталистическом окружении, а также принципиальной неготовностью принять и усвоить логику чисто капиталистического развития в той конкретной исторической ситуации.

Быть может, смысл советской эпохи и состоял в том, чтобы подготовить российскую ментальность и государственность к такому освоению либеральной идеи, которое не разрушало бы своеобразие России, а работало на нее. Очевидный провал этой надежды на рубеже XX-XXI вв. вовсе не означает, что сражение уже проиграно окончательно.

«Господство старого мировоззрения над образованным обществом составляет уже такое отдаленное и неясное предание, что интеллигентные снобы могут свободно идеализировать это мировоззрение и безнаказанно мечтать о его реставрации» (П. Н. Миллюков). Кажется, эта фраза прямо обращена ко дню сегодняшнему. Только интеллигентский снобизм может всерьез ставить вопрос о реставрации монархии и господствующего положения церкви в современной духовной культуре, о «новом средневековье» для России и всего российского народа. Именно в эту программу действий и входит вполне осознанная и злонамеренная атака на историческую память советской эпохи, по-своему великой и знаменательной.

«Дело Ленина» — форма постсоветского вероисповедания. Это вера в грядущую победу социальной справедливости и человеческого разума над алчным инстинктом частнособственнического грабежа и захвата того, что по праву принадлежит всем. Без нее все разговоры о нравственности и морали в наше время обретают в высшей степени лицемерный характер.

Коммунистическая вера в ее марксистско-ленинском варианте приобрела неожиданную культурно-историческую форму *атеистического протестантизма*, который проделал в советскую эпоху значительную эволюцию в сторону универсального *цивилизованного атеизма*, нейтрального ко всему комплексу проблем традиционного вероисповедания и исповедующего современную веротерпимость.

В целом культурно-исторический процесс можно представить как бесконечно длящийся переход от аристократической культуры к демократической и, наоборот, как бы на встречном движении, — от демократической культуры к аристократической. Причем первое движение характеризует интегральный слой культурного целого, а второе — отражает способ его человеческой подпитки или «ротации кадров» в культурном слое. Социальные революции имеют отношение и к первому и ко второму, но в большей степени ко второму.

Отныне воля символизирует не произвол, а полноту морального присутствия в развитой личности. Такова действительная парадигма новоевропейского со-

знания, пришедшего на смену средневековой культуре. Она в равной степени присуща либеральной и социальной направленности общественной мысли. Но именно в последней происходит концентрация и синтез личностного и социального начал в их едином порыве к преобразовательной деятельности.

Н. А. Бердяев писал: «Русская литература и русская мысль свидетельствуют о том, что в императорской России не было единой целостной культуры, что был разрыв между культурным слоем и народом, что старый режим не имел моральной опоры. Культурных консервативных идей и сил в России не было. Все мечтали о преодолении раскола и разрыва в той или иной форме коллективизма. Все шло к революции». Россия всей мощью своего культурного развития шла в революцию, и чем дольше откладывалось это событие, тем болезненнее становилось его ожидание.

Вся современная цивилизация построена на революции. Ценности модернизации и отхода от доминанты патриархальности были привнесены в современную цивилизацию через длинную цепь социальных и политических революций Нового и Новейшего времени. Отрицать революцию в этих условиях значит отрицать современную цивилизацию, саму идею общественного прогресса и развития гуманистической и демократической культуры современности. Россия привнесла в этот всемирный процесс социализации лишь то особенное, без чего он не смог бы достигнуть своей логической завершенности.

Методология народнической мысли исходит из концепции *тождества* нравственного, культурного и общественного идеалов, которая в свою очередь опирается на идею *тождества личности, культуры и общества* в историческом и логическом пределе их совершенствования. Этим она принципиально отличается от методологии либеральной и консервативной мысли, для которой личность и общество образуют онтологические противоположности, а значит, несут в себе непреодолимый антагонизм.

Социализм есть такая же универсалия современной культуры, как либерализм и консерватизм. Каждый из них имеет свою нишу и свою меру ответственности за будущее человечества.

Народническое сознание преимущества развития догоняющего в одном отношении, но сохраняющего свою самобытность в другом отношении стало универсальной смыслообразующей парадигмой русской культуры огромного исторического периода.

Народнический вектор русской культуры настаивал на *революционном* характере исторического движения. Причем культивировалась не только идея и практика *социальной* революции, но не менее радикально истолкованной *культурной* революции, идея духовной Реформации, которая и вдохновила сначала «русский духовный ренессанс» Серебряного века, а затем и «культурную революцию» Советской эпохи.

Социализм был превращен в универсальный идеал не только в психологии революционных партий, но и в сознании широких слоев русской интеллигенции. Народнический дух витал повсюду, проникая во все поры русской культуры. Народническая парадигма, не принятая самодержавной властью даже в ее самых умеренных формах, могла только ужесточаться, сначала на уровне интеллигентского сознания, а затем и в пространстве широкой народной стихии.

Чем дольше власть упорствует в нежелании проводить необходимые социальные и политические реформы, тем вернее и основательнее дух оппозиции укореняется в культуре — в среде интеллигенции, создавая колоссальную энергию социального взрыва. Именно это накопление кинетической энергии социального взрыва и происходило в России на протяжении более чем полувека во всех порах русской культуры.

Народничество — это смыслообразующее начало всей русской культуры данного периода. Таков внутренний трагизм народнической парадигмы, вынужденной нагружать явления духовной культуры жесткой политической функцией, невольно противопоставлявшей культуру как аргумент в политическом споре, самой власти.

Революция — это скачок в развитии, быстрое и радикальное изменение чего-либо, своего рода переворот. Слово «переворот» здесь напрямую связано с ассоциацией переворачивания *песочных часов*: когда песок иссяк, и *время остановилось*, часы нужно перевернуть, и тогда движение возобновится. Революция именно возобновляет течение времени после долгого периода его остановки или застоя.

Бунт как некий эмоциональный протест против вопиющей несправедливости преходящ. Революция отличается от бунта своей основательностью и необратимостью. В отличие от бунта революция несет положительный смысл, она не столько отрицает прошлое, сколько утверждает настоящее и будущее.

Маленькая или большая буржуазная революция — вещь обязательная. Мировая история не знает исключений в этом вопросе. *Большая буржуазная революция* отличается от малой тем, что имеет некое всемирно-историческое значение и оказывает решительное влияние на другие страны. Кроме того, она не останавливается перед угрозой кровопролития со стороны контрреволюции и готова идти до конца в утверждении своего «правого *левого дела*». Россия с ее масштабами и «крутизной» могла играть только по-крупному.

До большевиков в течение 1917 г. фортуна давала шанс «порулить» каждой из политических партий революционной России, но ни одна не справилась с заданием.

Капитализм — это неизбежная и по-настоящему необходимая ступень исторического развития, но не он есть цель истории. Что-то другое должно прийти ему на смену, снимая то зло, которое он несет в себе. Это зло необузданной частнособственнической наживы, попирающей любую человеческую ценность, социальную справедливость и элементарную правду жизни. Вопрос не в том, вечен ли капитализм, а в том, *что и каким образом* сможет его обуздать, не разрушая того, что принято называть «достижениями мировой цивилизации».

Социализм, как известно, стал в XX в. «знаменем эпохи» не только для России, но и для всего мира. Социализм по-разному понимали в разных концах света, но ему следовали как единственному в своем роде «велению времени». Именно поэтому он и стал символом целой эпохи всемирной истории. Уроки социализма и тотальной социализации жизни проходили в XX в. и консерваторы и либералы. Рузвельт по-своему, Гитлер по-своему, Сталин по-своему, и даже Черчилль усвоил не один из его уроков.

Российский культурно-исторический генотип запрограммирован на революцию в ситуации, которую характеризуют гамлетовским «быть или не быть», когда именно революция выступает жизненным условием того, чтобы «не упасть в бездну».

Чем дальше социальная болезнь загоняется вглубь, не находя разрешения, тем болезненнее процесс выздоровления, который уже не обходится без хирургического вмешательства радикальных революций.

Эхо Гражданской войны продолжало звучать вплоть до начала Великой отечественной войны, на которой состоялось, наконец, историческое примирение белых и красных армий перед лицом жестокого внешнего врага. Возвращение в советскую армию в конце 1943 г. военной формы исконной российской армии, в которой воевали белогвардейцы, стало символическим актом примирения нации и фактического окончания Гражданской войны.

Мы живем в эпоху, когда возникает особый соблазн заняться переоценкой ценностей не по критерию их примирения, а по критерию очередного переворачивания песочных часов. Торжество белогвардейской ненависти к Советам и

Красной армии в наши дни — верная дорога к новому расколу нации и новой гражданской войне.

Революция — это способ преодоления национального раскола через прямое столкновение исторически враждовавших социальных сил — «расы рабов» и «расы господ». Только преодолев публичное сопротивление патриархальной аристократии, привыкшей править на основе той или иной формы рабовладения, могли состояться современные нации — французская, американская, итальянская... Все они прошли через свою гражданскую войну, чтобы, наконец, стать нациями в современном смысле этого слова. В этом и состоит смысл Революции как драматического, но единственно возможного способа *Примирения и Согласия*.

Беда нашего нынешнего восприятия советской и социалистической истории в том и состоит, что мы охотно различаем властвующего *наездника* коммунистического режима и в упор не замечаем, какое дикое животное ему приходилось обуздывать. Особенность России, как и некоторых других стран, в том, что уж больно дикий жеребец ей достался от истории, а главное, русское ухо оказалось не слишком расположено к его ржанию.

Слово *эксперимент* вполне применимо к советской эпохе, но лишь в той мере, в какой всякая новация нашей жизни представляется нам экспериментом, пока не адаптируется к прошлому и не откроет простор будущему. Советская эпоха эту процедуру давно проделала, вобрав в себя органику русской истории и оставив нам великую научную и индустриальную державу. А вот нынешнему либеральному эксперименту в России эта работа еще предстоит.

Формула социального экспериментаторства достаточно универсальна для российской действительности, которая на протяжении всей своей истории испытывала на себе ту или иную меру «навязывания ей новомодной цивилизации». Поразительно то, что всякий эксперимент такого рода для русского организма все равно, что припарка, а то и отменная парилка из доброй русской бани. Экстрим только закаляет и бодрит кровь. Он тем более не способен поколебать русский дух.

Тайная Русь, в которую, по определению Ф. И. Тютчева, «можно только верить», тем вернее пребывает в русском человеке, чем жестче новомодный эксперимент. И то сказать: какая еще цивилизация в XX в. позволила себе пройти полный круг политического радикализма — от царистской реакции до сталинского ГУЛАГа и от него к нарочитому «рыночному тоталитаризму» наших дней? Это и есть *русская вольница*, неведомая средневропейской рафинированности духа и плоти. От уныния до восторга — один шаг. И что мешает нам нынешнее заунывное восприятие русской и советской политической истории и культуры сменить на веселые половецкие пляски в нашем исконном российском стиле? Впрочем, если бы они уже не звучали в нашем сердце, разве позволили бы мы себе нынешний мазохизм? Русь и в этом вопросе стоит прочно.

В характере революции очень многое решают тип политической культуры и степень развитости политической системы. Многовековая традиция русского самодержавия в результате своего исторического краха при всем желании не могла оставить после себя либерально-демократическую республику, как на это многие надеялись.

Существует органическая связь между политической *революцией* и духовной *реформацией*, захватывающей в свою орбиту не только политику и социальную сферу, но и логику экономического развития.

Реформация возникает в тот решающий момент культурной истории, когда традиционная церковная культура утрачивает историческую инициативу, отдавая первенство светской культуре, но общество еще не в состоянии принять этот утонченно-рафинированный вариант гуманистической культуры. Реформация — это перекресток дорог, когда старая духовная доминанта *уже* не тянет, а новая духовная доминанта *еще* не достаточно убедительна для простолюдия. В этой

подвешенной ситуации надо что-то делать — быстро и решительно, тем более, если к этому подталкивает целый комплекс социально-политических и экономических интересов. Эта ситуация во многом универсальна и имеет свойство воспроизводиться в совершенно неожиданных условиях.

Проблематика духовной Реформации пронизывает собой череду эпох и столетий. Она может менять формы и даже идеологические конструкции, но она, как истинная *универсалия* культуры, присутствует во все времена. Можно даже говорить о Реформации *до* Реформации, до того, как Лютер своей исторической миссией ввел этот термин в культурно-исторический оборот. Реформация как культурологическая категория отличается от своего конкретно-исторического аналога тем, что существует всегда в своей онтологической предзаданности, подобно *предвечной сущности Христа*, данной еще до Рождества Христова.

Культурологический статус Реформации выражает фундаментальную идею эволюции культурных и религиозных форм — от жестко догматических, представленных в ореоле святости и коллективного обрядового действия, ко все более индивидуально выраженным, свободным и критическим.

Традиционная «позитивная религия» образует лишь первую половину пути, которую призвана пройти мировая культура, культура расширяющегося сознания, нравственного становления человека и человечества. Это путь, на котором мораль внушается человеку силой внешнего церковного авторитета и «страха Божья». Но сущность второй половины пути связана с обнаружением самобытности морального императива, исходящего из внутренней свободы личности и не признающего какого-либо внешнего авторитета. Для того чтобы прийти к пониманию этого пути, надо было начать с протестантского кредо «*sola fide*» и «Бог во мне». Таким образом, Реформация открывает и освещает собой вторую и, надо полагать, лучшую половину эволюции культуры и общества.

Русская реформация XX в. — это не запоздалое на несколько столетий следование за Западом и его Реформацией. Русская реформация образует совершенно особый исторический тип Реформации, которого не было и не могло быть на Западе по причине существенных цивилизационных различий. И, прежде всего, это различия западного и восточного христианства, уходящие своими корнями в различия *аристотелизма* и *платонизма*.

Если западная Реформация изначально пронизана буржуазным духом торговли и частного предпринимательства, то Реформация, возникшая и развившаяся на почве русского православия, изначально должна была быть антибуржуазной, подчиненной великой Идее и грандиозному плану ее осуществления. *Идеократический* принцип российской цивилизации и в новой исторической ситуации освобождения от патриархальности и перехода к доминанте светской культуры не мог не найти для себя убедительного способа своего проявления. Таковым и стал атеистический протестантизм большевиков.

Чтобы понять гуманистическую сущность русской революции, необходимо обратиться к логике реформационного процесса русской культуры, которая восходит к петровским реформам и становлению особого духовного ордена русской интеллигенции.

Н. А. Бердяев писал: «В русском сознании XIX века социальная тема занимала преобладающее место. Можно даже сказать, что русская мысль XIX века в значительной своей части была окрашена социалистически. <...> Все почти думали, что русский народ призван осуществить социальную правду, братство людей. Все надеялись, что Россия избежит неправды и зла капитализма, что она сможет перейти к лучшему социальному строю, минуя капиталистический период в экономическом развитии. <...> Русские умудрялись быть социалистами при крепостном праве и самодержавии».

Русскую революцию называют революцией безбожников и атеистов, забывая о фундаментальных законах секуляризации культуры, которые так долго и искусственно сдерживались официальным православием и русским самодержавием: насаждением невероятного количества церквей, нарочитым противопоставлением духовной власти церкви идейному и духовному влиянию российской интеллигенции и народному просвещению. Одно только «отлучение от церкви» и придание анафеме великого Л. Н. Толстого стало символом целой эпохи.

Русский секуляризм приобрел по итогам социальной революции 1917 г. форму просвещенческой Реформации со всеми элементами религиозной нетерпимости и даже религиозной войны. Попов ненавидели не только за их казенную веру в чудеса, но главным образом за их прислужничество сильным мира сего — царской власти и «буржуям-мироодам», за их прямое участие в гражданской войне на стороне белого движения, развязавшего эту войну под лозунгами восстановления монархии и «возврата всех помещичьих земель их законным владельцам» (Колчак). В конечном счете, это привело к расколу в самой русской православной церкви на зарубежную, бежавшую вместе с белыми армиями за границу, и поместную, оставшуюся и признавшую Советскую власть, благословившую ее на «богоугодное правление».

Карл Поппер писал: «По моему убеждению, Маркс, в сущности, исповедовал веру в открытое общество. — Позиция Маркса по отношению к христианству тесно связана с его нравственным кредо, а также с тем фактом, что лицемерная защита капиталистической эксплуатации являлась в тот период характерной чертой официального христианства. <...> Если такого рода «христианство» исчезло сегодня с лица лучшей части нашей планеты, то это случилось не в последнюю очередь благодаря *нравственной реформации*, которая произошла под воздействием Маркса. <...> Влияние Маркса на христианство можно, по-видимому, сравнить с влиянием Лютера на Римскую церковь. Обе эти фигуры воплощали вызов, обе, в конечном счете, привели к контрреформации в стане своих противников, к пересмотру и переоценке их этических норм. <...> Ранний марксизм с его этическим ригоризмом, с подчеркнутым вниманием не только к слову, но и к делу был, вероятно, наиважнейшей «реформаторской идеей» нашей эпохи, что и объясняет его огромное влияние». Однако отмеченный здесь культурно-исторический эффект учения Маркса был бы ничтожен без Ленина и ленинизма, без победоносной русской революции, которая сделала марксизм знаменем целой эпохи всемирной истории.

Народные революции — это достояние народа. Это верное напоминание властям об их ответственности перед людьми. Только твердая память о народных революциях может гарантировать нас от новых потрясений. Власть, забывающая о народных революциях, пожинает их новую поросль. Любопытно, что еще Дж. Локк, родоначальник классического либерализма, записал в качестве одного из фундаментальных прав народа его священное право на вооруженное восстание против правительства, попирающего народный суверенитет. Эта истина важна не как призыв к революции, а как важное напоминание властям об их ответственности перед народом, у которого есть полное моральное право вершить свой суверенитет. Только там, где правители помнят даже на подсознательном уровне об этом естественном народном праве, революции если и происходят, то в самых мирных формах. Очень часто и справедливо эта истина напоминает о себе в форме празднования общенационального *Дня революции или Дня независимости*.

Дело не в том, что глобальные цели коммунистического строительства не были достигнуты, но то были и внутренние и внешнеполитические причины, а в том, что Россия благодаря Советской власти выжила как единое многонацио-

нальное государство и цивилизация, что она победила во Второй мировой войне и состоялась как великая мировая держава.

Выполнив свою великую историческую миссию духовной и политической реформации российской цивилизации, Советская власть плавно, без гражданской войны передала бразды правления новой постсоветской России в надежде, что она не подведет, что все великие завоевания советской эпохи будут сохранены и приумножены на новой основе — тотального освоения ценностей либеральной идеи. И не вина, а беда России, что нас в очередной раз занесло и мы без оглядки, как малые дети, бросились резвиться на отеческих гробах, постигая вольницу абсолютной новизны и такой подкупающей близости чужого рая.

Сегодня речь идет о подлинно историческом понимании феномена русской революции и всей советской эпохи, перевода его из политической плоскости в общегражданскую и цивилизационную. Это то, что можно назвать *фундаментализацией* образа русской революции.

Сегодня речь идет о создании общенационального *Монумента жертвам гражданской войны* как акта преклонения перед павшими, где нет победителей и побежденных, где Россия вновь образует внутренний непобедимый союз и единство, как в годы Великой Отечественной войны. Это менее всего может походить на некий исторический реванш и возвращение русского барства или черносотенной идеологии. Нужно суметь взглянуть на нашу революционную историю с какой-то новой ступеньки исторического обзора, но так, чтобы все ценное советской и досоветской истории не было утрачено.

Этот *Монумент* символизирует идею собирания российской нации, ее прозрания из земли русской, щедро политой кровью отцов и дедов. Этот могучий дуб, когда-то расколотый великой грозой, вновь обрастает свежей корой, а его корни и ветви вновь переплелись в многонациональное братство народов, культур и конфессий. Над ним вновь воссияет солнце разума и любви. Это и есть искомый символ *народного единства*, которое не может, не имеет права разрываться между двумя датами, между 4-м и 7-м, тем более что они на самом деле принадлежат одной.

Великие архитектурные памятники советской эпохи, будь то Мавзолей Ленина или сталинские высотки, венчаемые монументальным зданием МГУ на Воробьевых горах, останутся в веках как символы своей эпохи, без которой нет ни нашего настоящего, ни нашего будущего. Маяки прошлого, которые мы несем в наших национальных государственных праздниках, обладают тем исключительным достоинством, что выстраивают направление движения в будущее.

Идущему первым даже на коротком участке пути всегда труднее, а тем более, когда против тебя ополчился весь мир, сильные мира сего. Здесь важно не смешивать те испытания, которые посылает тебе история или судьба, и собственные ошибки и просчеты. Спасаящий от гибели, ведущий к свободе герой-пророк требует от своего народа готовности пойти на жертвы. Правда, потом этого же героя и судят за те жертвы, а его геройство превращают в обвинительное заключение. Так Моисей сорок лет водил свой народ по пустыне, чтобы забыли «райские кущи» рабской жизни в Египте, а в результате был забит до смерти камнями, чтобы потом другие опомнились и воздали... Сегодня мы побиваем камнями свое советское прошлое, чтобы спустя годы воздать ему как героическому времени «бури и натиска», без которого не было бы и нынешней нашей свободы.

Вообще эта ментальность советской эпохи сыграла с нами дурную шутку. Мы настолько уверовали, что должны быть лучшими в мире во всем, что когда пришло время открыть глаза немного шире и обратить внимание на некоторые недостатки и естественные отставания в гражданской сфере, то это превратилось в предмет какого-то дикого разочарования и наивного мазохизма. Эта ущемленная

советская гордость привела к тому, что мы вдруг с неистовой силой набросились на все советское и стали крушить основы того, без чего просто нет самой российской цивилизации. Впрочем, такого рода психопатизм не возникает на ровном месте, и у него, конечно же, был свой дирижер. Чтобы понять это, достаточно помнить об уроках «холодной войны», о том, что на карту было поставлено само существование жизни на планете. И когда Господь заглянул в душу к советскому человеку и спросил его: готов ли ты пожертвовать своей советской гордостью и своим великим историческим детищем во имя предотвращения мировой термоядерной войны и спасения всего человечества? — тот, не задумываясь, ответил: да! Известно также, что горделивый американец на аналогичный вопрос ответил решительным «нет» и теперь по-своему расплачивается за свою гордыню. Русский же человек и в этом своем испытании не изменил себе.

Фундаментальная линия восхождения человечества в рамках объективного процесса глобализации характеризуется тремя историческими и логическими этапами: *консерватизм — либерализм — социализм*. Они образуют три гигантские ступени истории. Однако в микроисторическом масштабе мы отчетливо различаем забавную рокировку основных политических сил современности, когда заданные историей приоритеты *консерватизма — либерализма — социализма* неожиданно меняются местами, уступая пальму первенства друг другу. Это и есть своего рода политические *ритмы* глобализации.

Русская революция ознаменовала собой начало новой эпохи во всемирной истории конституционализма: принципы *социального демократизма* были впервые закреплены на уровне конституционной практики. Во всех конституциях стран Западной Европы, принятых после Второй мировой войны, будь то Франция, Германия, Испания, записана конституционная норма «*социального правового государства*», взятых на себя государством обязательств по соблюдению социальных прав человека труда.

Формула *Джона Рида* о первых днях Октябрьской революции — *Десять дней, которые потрясли мир* — останется в веках, как зримый образ того, что даже тысячелетнему рабству приходит конец, что именно в такие моменты истории человечество совершает величайшие прорывы в новое качество социальной демократии! И даже крайности и нелепости этого пути не могут его перечеркнуть. *Русская революция XX века останется историческим брендом России в мировой истории!* И все, что от нас требуется, так это с достоинством нести то, что дано нашей национальной историей и что образует ее неотъемлемое достояние.

«Единой России» нужно, как минимум, перестать быть «партией жиреющей российской бюрократии» и взять на себя центристскую политическую роль не на словах, а на деле. Нужно, наконец, повернуться лицом к социалистическим и социальным императивам нашего времени. Здоровое отношение к российской революционной истории и всей советской эпохе, умение закрепить его на политическом уровне и, в частности, в концепции и практике государственных праздников современной России, выступает необходимым условием такого поворота. Для этого нужен действенный диалог между всеми субъектами современной политики — консерватором, либералом и социалистом.

Происхождение термина. Старая истина гласит: хочешь понять смысл явления, загляни в историю самого термина, обозначающего это явление. Можно ли применить этот метод к такому неоднозначному и запутанному явлению, как «революция»?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к источнику во многих отношениях полезному для целей настоящего повествования. Это книга выдающегося

американского социолога *Иммануэля Валлерстайна* «После либерализма», где он выдвигает на первый взгляд парадоксальное утверждение: падение коммунистических режимов и крах идеологии марксизма-ленинизма на рубеже 1980-1990 гг. свидетельствуют не о торжестве либеральной идеологии в мировом масштабе, а, напротив, о крахе либерализма и решительном вступлении мира в эпоху «после либерализма». Историческое отступление «старых левых», как он называет коммунистов-государственников «реального социализма», не снимает проблемы революционного обновления мира и востребованности левых сил, а переводит ее в новую еще более глобальную плоскость. Вот что он пишет по сути заданного вопроса.

«Революция (revolution) — странное слово. Изначально оно употреблялось в своем этимологическом смысле и означало круговое движение, возвращающееся в исходную точку. И до сих пор оно может употребляться с таким значением³. Но вскоре значение слова подверглось расширению, в результате которого оно стало обозначать поворот, а затем — переворот. Уже в 1600 г. Оксфордский словарь фиксирует его употребление в смысле свержения правительства подчиненными ему лицами. Но, конечно же, свержение правительства необязательно несообразно с понятием возвращения в исходную точку. Уж сколько раз бывало так, что политическое событие, его протоганистами называвшееся «революцией», ими же провозглашалось восстановлением помянутых прав и оттого — возвращением к более ранней и лучшей системе»⁴.

Валлерстайн не уточняет, что круговое движение предполагает не только момент возвращения в исходную точку, но и момент отрыва от нее, и тогда революция оказывается разделенной на два разнонаправленных движения — туда и обратно, а это больше походит на диалектику революции и контрреволюции. Впрочем, в каждом случае речь идет о некоей игре ассоциаций на тему вращения, поэтому любая вариация уместна и любопытна.

«В марксистской традиции, однако, революция прочно водворилась в линейной теории прогресса», которая исповедует идею «скачка», бифуркационного взрыва, перехода в необратимое новое качество системы. Здесь автор явно не учитывает диалектического характера скачка как продукта отрицания отрицания, выраженного движения по спирали, которое в известной плоскости также совершает круговое движение, но с приращением нового качества и сохранением старого в новом в форме «снятия».

Другим важным способом определения понятия выступает поиск антитезы или того, что ему противоположно. И в этом случае мы имеем множество вариаций. Например, революция (как синоним движения) и застой, революция (как движение туда) и контрреволюция (как движение обратно). Но самая распространенная антитеза революции — это реформа. Их различают по множеству критериев: быстро — медленно, качественно — количественно, крупномасштабно — мелкомасштабно, необратимо — обратимо, действительно — недействительно, наконец, с правом применения насилия для достижения цели — без права применения насилия. Этот последний критерий особенно чувствителен в реальной политике и ее моральной оценке. И если в периоды кризисов и войн чаша весов легко перевешивает в сторону революций, причем, даже в моральном отношении, то в мирное время она явно на стороне реформ, если уж вообще изменения неизбежны.

³ Соображения автора относятся к английскому слову revolution, которое способно иметь вполне физический смысл, как в случае revolution of The Earth «вращение Земли» или two revolutions per minute «два оборота в минуту». — Прим. переводчика.

⁴ Валлерстайн И. После либерализма. Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 196.

Наконец, особую тему составляет поиск своеобразия и взаимодействия революций в различных сферах общественной жизни: в моде и политике, в экономике и культуре, в промышленности и науке. Одно из важнейших наблюдений в этом смысле гласит: *всякая политическая революция имеет перед собой культурную революцию, как свою предпосылку и как свой результат, т. е. по сути две культурные революции.* А если вспомнить азы исторического материализма, то цепочка детерминаций обретет предельную строгость и последовательность: промышленная революция — политическая революция — социальная революция — культурная революция, и вновь по кругу.

Послесловие. Боюсь, что этот разговор, — скажет непредвзятый читатель, — имеет какую-то незавершенность по той причине, что, быть может, самые суровые максимы так и не прозвучали. Например, в наше время по-прежнему раздаются голоса откровенной вражды ко всему советскому и социалистическому, продолжаются попытки оторвать советскую власть от органики российской общественной и культурной жизни XX в. Говорят, что XX в. потерян для России, что народ российский должен покаяться перед своими барами и пролить слезу над их могилою и призвать вновь былую дореволюционную власть — светскую и духовную: приди и властвуй, ибо согрешили мы перед господами своими. Как будто мало им порушенной народной жизни в «первой стране победившего социализма», мало слез и нищеты, обрушившихся на простых людей среди ясного неба, мало бесчинств и грабежей национального достояния. Ведь что получается? Сначала порушили всю культурную и общественную жизнь, саму упорядоченность российской цивилизации, наполнили ее пошлостью, тотальной безнравственностью, культом насилия и грабежа, а потом пустили в нее человека в рясе, чтобы освятил место сие и наполнил его «великой духовностью». Что толку возводить церкви, если при этом разрушаются сельские клубы и самые основы светской культурной жизни — система народного образования и науки?

Пожалуй, это тот случай, когда мне хотелось бы предоставить слово читателю и дать ему высказаться по полной программе. Пусть это будет неким домашним заданием. С полным сознанием того, что от этого ответа зависит слишком многое. Повернем ли мы обратно в лоно едва затихшей гражданской войны или двинемся вперед догонять и опережать другие народы по освоению ценностей здоровой либеральной культуры. А таковая печется не только о своей новизне и исключительных симпатиях к обособившейся за частоколом крупной частной собственности «личности», но и выполняет важную охранительную функцию сбережения национальной традиции и культуры, включая традицию и культуру советского российского XX в., богатого фантастическими всплесками народного гения и таланта, мужества и вдохновения.

Скажу лишь одно. Негоже мерить историю кризисов мерками относительного благополучия и политического пристрастия. России нужна государственная идеология, но если она будет построена на идеологии воинствующего антикоммунизма, то это рано или поздно приведет нас к новой гражданской войне, ибо сказано: антикоммунизм — это и есть идейная кульминация гражданской войны.

Всякая власть в периоды глобальных кризисов — политических, экономических, цивилизационных, может быть либо жестко-полицейской, либо никакой. Сегодня пытаются поднять на щит «никакую» власть, розовую да румяную, почившую в летаргическом сне и потому ангельски невинную. А ту, что вынесла на своем горбу воз истории XX в. и спасла мир от коричневой чумы, а Россию от хаоса и анархии, а равно и от «нового средневековья», эту власть хотят сравнять с землей даже в памяти народной. Воистину «сон разума рожда-

ет чудовищ». Но то, что могут позволить себе люди заинтересованные во лжи, никогда не допустят люди свободные и знающие цену жизни, свято хранящие память о прошлом.

На днях пришло сообщение из Страсбурга, где, как выяснилось, Совет Европы принял резолюцию, осуждающую «коммунистические тоталитарные режимы». Острие этого политического выпада направлено против СССР как победителя во Второй мировой войне, а значит и против России как правопреемника великого государства XX в. Расчет прост: дать отмашку территориальным и иным претензиям к России и юридическому обоснованию пересмотра итогов Второй мировой войны. Геополитика и в данном случае правит бал, а наш страстный радетель геополитических интересов (вот только чьих?) лидер ЛДПР единственный из российской делегации проголосовал в поддержку этого провокационного антироссийского документа. Разумеется, этот политик не настолько наивен, чтобы не понимать, что он делает. Но это тот случай, впрочем, далеко не первый, когда эмоции берут верх над разумом. Эмоции же связаны с другой стороной проблемы — с фатальной ненавистью к коммунизму, к самой *коммунистической идее*, которая образует одно из фундаментальных оснований общечеловеческой культуры, ориентированной на идею единства человеческого рода и равенства возможностей, которое обязано предоставлять общество человеку.

На языке идеологий это называется «воинствующий антикоммунизм». Обычно самым ярким образчиком такой идеологии выступают крайне правые, откровенно фашистские организации, утверждающие идею тотального господства одних (рас, наций, классов) и тотального подчинения других. Но в современной Европе уже давно нет чисто фашистских режимов. Тогда откуда это? На мой взгляд, ответ лежит на поверхности. Не все то, что является фашизмом по существу, получает соответствующее ему название, и за этим прикрытием его не сразу удастся распознать.

Если называть вещи своими именами, то мы имеем дело с *либеральным фашизмом*, самый жуткий образец которого был представлен кровавой хунтой генерала Пиночета в Чили в 1970-1980-х гг. На грани этого чудовища ходила и ельциновская «семья». Откровенным идеологом этого человеконенавистнического воззрения в наши дни выступает все тот же лидер ЛДПР, на каждом углу заявляющий: «демократия не для России», «даешь полицейское государство», «коммунистов на виселицу». Даже Гитлер был более сдержан на этапе своей борьбы за власть. И можно не сомневаться, что при малейшей угрозе своим интересам со стороны широких демократических кругов и наш крупный капитал без всяких колебаний сделает свой выбор в пользу новоявленного мессии Адольфа Жириновского.

Все это, однако, не объясняет, почему за такую нелепую резолюцию проголосовала добрая половина таких подчеркнута демократических депутатов ПАСЕ. Помимо чисто геополитических претензий к России должен был сработать еще какой-то фактор. И этот фактор действительно был и есть. Он называется *либеральный утопизм*.

При всей неожиданности этого термина, он весьма убедителен. Дело в том, что *утопизм* — это вообще достаточно универсальная вещь. Например, хорошо известен христианский утопизм С. Н. Булгакова. Его суть проста: перенести христианский идеал общественного устройства в реальную политику, хотя бы на уровне политической декларации. На этом фоне социальный или социалистический утопизм и вовсе избитая тема. Он пытается перенести социальный идеал справедливого общественного устройства в практическую плоскость, толком не зная самой этой практики.

То же самое делает и либеральный утопизм. С той лишь особенностью, что для него главным и абсолютным выступает тотальная неприкосновенность лично-

сти, почти неприкаянность, но подкрепленная весомым аргументом достаточно крупной собственности (какого-нибудь «свечного заводика», по определению одного из литературных героев). Только либеральный утопизм может навязывать отмену смертной казни, по сути, воюющей стране, бесконечно далекой еще от социальной и геополитической стабильности. Только либеральный утопизм может не замечать вопиющей социальной несправедливости и фактической эксплуатации труда капиталом. Наконец, только либеральный утопизм способен солидаризироваться с идеологией воинствующего антикоммунизма и отрицать само право на классовую и социальную солидарность людей труда.

Отсюда вывод. Всякий утопизм рождается как дитя идейной односторонности и хотя бы минимальной воли к реализации этой односторонности. Именно поэтому всякий утопизм выходит на прогулки истории, имея на коротком или длинном поводке свой собственный породистый (и не очень), но обязательно зубастый и клыкастый фашизм/радикализм.

Напротив, всякая реальная политика сторонится откровенного утопизма, она внутренне демократична, потому что политика по определению это искусство возможного и воля к компромиссу. В той мере, в которой реальная политика демонстрирует волю к диалогу и равновесию идеологических систем, она гуманистична. Однако в периоды кризисов и войн реальная политика вынуждена изменять этому своему призванию, и начинает цепляться за утопизм в идеологии и фашизм /радикализм в практике. ПАСЕ — это еще не реальная политика, но это симптом. И это повод задуматься, «куда несет нас рок событий».

Даже в узкополитическом смысле «коммунистические тоталитарные режимы» если и не удовлетворяли критериям формальной либеральной демократии, то, во всяком случае, обладали внутренним демократизмом цели и средства. установкой на достижение реальной социальной демократии. И не вина, а беда этих режимов, что они вынуждены были проводить свою политику в условиях фактической блокады и самой ожесточенной «холодной войны», в которой у них не было особых шансов на успех, но была настоятельная необходимость выиграть историческое время в логике своего догоняющего развития.

Сама идея и практика «диктатуры пролетариата» возникла в ответ на фактическую «диктатуру буржуазии», которая сплошь и рядом проявляла себя там, где только завязывалось чисто буржуазное развитие крупного капитала. Только под угрозой «диктатуры пролетариата» буржуазное, чисто классовое правление обретало черты формальной и неформальной демократии. Следовательно, осуждая одну форму диктатуры, следует осуждать и другую, осуждая политическую практику «реального социализма», следует начинать с осуждения политической практики «дикого капитализма» и совершенно безумной вакханалии рыночной стихии на этапе ее полной неменяемости и произвола «денежного мешка». Невозможно даже подступиться к череде социалистических революций и их режимов, не осудив империалистической логики развязывания двух мировых войн XX в. Попытки односторонних нападков на «коммунизм» способны расчистить дорогу самой жуткой реакции откровенно фашистского толка — как собственно либеральной, так и консервативной.

И уж совсем нелепо выглядят попытки ПАСЕ отменить и осудить теорию и практику «классовой борьбы», этой самой неприглядной сути капиталистических общественных отношений как таковых. За этим проступает откровенная воля к либеральному господству финансовой аристократии нашего времени. Взять и отменить *левых* столь же нелепо и антидемократично, как отменить вдох, оставив выдох, отменить рассветы, оставив закаты. А если уж осуждать левый радикализм, то следует осуждать всякий радикализм, включая его либеральную раз-

новидность, и начинать следует с осуждения политических и социально-экономических предпосылок этого радикализма.

Как видно, нынешнее наше неприятие и непонимание русской революционной истории боком выходит не только для внутренней российской политики, но и для мира в целом. А бумерангом оно бьет по России, вселяя дополнительную уверенность в ее старых недоброжелателях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтюссер Луи. Ленин и философия. М., 2005.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
3. Берлин Исайя. История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
4. Бузгалин А. В. Ренессанс социализма. Курс лекций, прочитанный в Молодежном университете современного социализма. М.: УРСС, 2003.
5. Валлерстайн Иммануэль. После либерализма. М.: УРСС, 2003.
6. Дугин А. Г. Русская вещь. Очерки национальной философии в 2-х т. М.: Арктогея-центр, 2001.
7. Жижек Славой. 13 опытов о Ленине. М., 2003. 254 с.
8. Жукоцкий В. Д. Лютер и Ленин: две культурологические модели Реформации // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 106-119.
9. Жукоцкий В. Д. Русская реформация XX века: логика исторической трансформации атеистического протестантизма большевиков // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 89-102.
10. Жукоцкий В. Д. Народничество русской интеллигенции и культуры // Философия и общество, 2004. № 3. С. 156-176.
11. Жукоцкий В. Д. Едва заметный пунктир истины. Гражданин, гражданское общество и диктатура пролетариата // Свободная мысль XXI. 2003. № 1. С. 80-95.
12. Жукоцкий В. Д. О тождестве противоположностей: к диалогике нищестанства и марксизма в России // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 125-144.
13. Жукоцкий В. Д. Народнические корни ленинизма: «хитрость разума» или «ирония истории» // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 51-66.
14. Зиновьев А. А. Глобальное сверхобщество и Россия. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.
15. Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. СПб., 1999.
16. Карл Маркс и Россия: рубежи столетий. Третьи Марксовские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижневартовск, 18-19 мая 2001 г. / Отв. ред. В. Д. Жукоцкий. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
17. Косолапов Р. И. Истина из России. М., 2005.
18. Ленинизм и Россия / Отв. ред. К. Н. Любутин. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 1995.
19. Пантин И. К. Ленин — большевизм — русская революция (размышления в связи с одной книгой) // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 51-65.
20. Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4.
21. Россман В. И. Платон как зеркало русской идеи // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 38-50.
22. Самарская Е. А. Новая свобода и старое равенство // Свободная мысль XXI. 2005. № 9. С. 126-140.
23. Сиземская И. Н. Социалистическая утопия как архетип русской мысли // Свободная мысль XXI. 2001. № 8. С. 78-92.
24. Страда В. Гуманизм и терроризм в русском революционном движении // Вопросы философии. 1996. № 9. С. 90-119.
25. Хомский Н. Классовая война: Интервью с Дэвидом Барзамьяном. М.: Праксис, 2003.
26. Энгельс Ф. Эмигрантская литература. V. О социальном вопросе в России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 537-548, 566-568.